

УДК 821. 161. 1 – 1. 09 + 929 (Иванов : Тютчев)

Ю. В. Кошеливская

Луганск

**«А МЫ – ЛЕОНТЬЕВА И ТЮТЧЕВА СУМБУРНЫЕ УЧЕНИКИ»:
ТРАДИЦИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА В ПОЭЗИИ Г. В. ИВАНОВА**

Розглядається питання про поетичні традиції Ф. Тютчева у творчому доробку Г. Іванова.

Ключові слова: ремінісценція, переклик, образ, мотив, цитата, ліричний герой.

Рассматривается вопрос о поэтических традициях Ф. Тютчева в творческом наследии Г. Иванова.

Ключевые слова: реминисценция, перекличка, образ, мотив, цитата, лирический герой.

The article is devoted to the question of poetic traditions of F. Tiutchev in G. Ivanov's creative heritage.

Key words: image, motive, reminiscence, citation, lyric hero.

Творчество Г. Иванова еще при жизни самого поэта вызывало разногласия и противоречия, критика называла его «то королевичем русской поэзии, то эпигоном. Он ходил в “проклятых поэтах” и числился первым поэтом эмиграции. О нем писали язвительно и захваливали, но чаще всего он оставался непрочитанным или прочитанным неадекватно» [3, с. 5]. Сегодня

исследование творческого наследия Г. Иванова представляет особый интерес для современного литературоведения. К творчеству Иванова обращались В. Крейд, А. Арьев, Е. Витковский и многие другие, однако творческие параллели поэзии Иванова с литературой XIX века изучены недостаточно, не выяснены многие аспекты этого вопроса. В частности, не рассмотрены тютчевские традиции в поэзии «первого поэта эмиграции». Все это обуславливает цели и задачи нашей статьи – изучить традиции Тютчева в поэзии Г. Иванова, определив генетические связи и типологические схождения.

Г. Иванов считал, что личность и творчество Тютчева определили мировоззрение целого поколения эпохи, к которому поэт относил и себя:

А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики...

(«Свободен путь над Фермопилами») [2, с. 305].

По словам Е. Витковского, «именно Тютчев, воспринятый Ивановым и прямо, и опосредствованно через Блока, может, пожалуй, считаться прямым литературным “предком” Иванова: по-тиняковски пародируя Тютчева, находил Георгий Иванов путь к поэтическому катарсису, а стихи из “Дневника” и “Посмертного дневника” – катарсис едва ли не в чистом виде» [1, с. 38].

Уже в раннем стихотворении «Веселый ветер гонит лед» (1915) определима связь с тютчевскими «Весенними водами» (1830). Образ весны в стихотворении создан под влиянием тютчевской традиции: перед читателем предстает картина весенней ночи: «ночь весенняя – бледна», слышен «смутный гром», «небо сквозит то синевой, то серебром», одна за другой сменяются картины весеннего Петербурга – родного города Иванова.

Веселый ветер гонит лед,
А ночь весенняя – бледна,
Всю ночь стоять бы напролет У
озаренного окна... [2, с. 167].

Лирический герой стихотворения «всю ночь напролет стоял бы у открытого окна», глядя на «волны и гранит», «тонкий шпиц над дымно-розовой Невой», любясь весенней красотой родного города. Такое же приподнятое «весеннее» настроение видим и в тютчевском стихотворении:

Весна идет, весна идет, И
тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!.. [4, с. 72].

Эти стихотворения близки и генетически. Так, у Иванова читаем: «Веселый ветер гонит лед»; у Тютчева – «А воды уж весной шумят».

Подчеркнем, что следы влияния этого стихотворения Тютчева обнаруживаются и в поздних ивановских стихах, в частности в стихотворении «Она летит, весна чужая» (1945), которое проявляет ностальгические мотивы лирики поэта:

Она летит, весна чужая,
Она поет, весна.
Она несется, обнажая
Глухие корни сна [2, с. 450].

Прежний возвышенный образ весны сменился тоской по Родине, воплощенной в чужой весне, далекой от России. Весна как традиционный образ, связанный с зарождением жизни, здесь несет иную коннотацию, она способствует постижению смерти-сна, эмоционально наполняя произведение мотивами безысходности и тоски, показывая одиночество и бесприютность героя. В стихотворении четко прослеживаются реминисценции со стихотворением Тютчева:

Они гласят во все концы:
"Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед! [4, с.
72]. У Иванова видим:
Она летит, весна
чужая, Она поет, весна.
Она несется, обнажая
Глухие корни сна [2, с. 72].

Вместе с тем эти тютчевские реминисценции служат, с одной стороны, для усиления различия в стихотворениях, с другой, Тютчев для Иванова – это русский поэт, поэт его Родины, поэтому отсутствие эмоционального родства при наличии явных реминисценции усиливает ностальгическое мироощущение лирического текста.

Особенность ивановской поэзии периода эмиграции заключается в усилении творческих связей с русской литературой. Тютчевские реминисценции находим в стихотворениях «Хорошо, что нет Царя» (1930), «Россия, Россия рабоче-крестьянская» (1930). А. Арьев считал, что текст «Хорошо, что нет Царя» «можно счесть горьким постскриптумом к стихотворению Тютчева “Эти бедные селенья...”, помноженным на резиньяцию из стихотворения “Тени сизые сместились”» [2, с. 589]. Действительно, названные нами два ивановских стихотворения сходны с тютчевскими мотивами «странной любви» к Родине, восходящими к лермонтовской поэзии. Так, в стихотворении Иванова «Россия, Россия рабоче-крестьянская» (1930) мы видим, что, находясь вдали от родины, Иванов не перестает думать о ее судьбе и «цыганском счастье». Автор

использует, казалось бы, отрицательные эпитеты – «голодные» деревни, «бесплодные степи», однако за всем этим скрывается безграничная любовь и тоска по родине:

Россия, Россия рабоче-крестьянская –
И как не отчаяться! – Едва началось
твое счастье цыганское И вот уж
кончается.
Деревни голодные, степи бесплодные...
И лед твой не тронется – Едва
поднялось твое солнце холодное И вот
уже клонится [2, с. 255].

Так и Тютчев, описывая природу родной земли эпитетами «бедный», «скудная», передает читателю свою любовь и восхищение выдержкой, терпением русского народа, преклонение перед Россией, которую «умом не понять, аршином общим не измерить», ведь «у ней – особенная статья – в Россию можно только верить» [4, с. 135]:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа! [2, с. 255]

Иванов, внимая поэту XIX века, старается верить в лучшее будущее для своей страны, хотя «солнце холодное уже клонится».

Тютчевское стихотворение «Два голоса» открыло Г. Иванову поэзию автора XIX века. Именно к нему во время встреч с Ивановым постоянно возвращался Блок, для которого «Тютчев, наряду с Владимиром Соловьевым и Фетом – отец новой поэзии» [3, с. 24]. Стихотворение «Два голоса» вошло в творческую лабораторию Иванова, отразившись в ряде его произведений. Одним из таких «отражений» стало позднее произведение 1950 года «Друг друга отражают зеркала». Е. Шраговиц называет ивановское стихотворение «откликом» на тютчевское, написанное за 100 лет до этого, и еще раз отмечает его важность для Иванова. Характеризуя эти стихотворения, исследователь пишет о том, что «тематически оба о жизни и смерти, композиционно оба двухчастные, с двумя “голосами”, словно спорящими друг с другом, – правда, двухчастное стихотворение Георгия Иванова не предлагает двух взаимоисключающих вариантов решения, как у Тютчева, потому что, хотя первая часть перекликается с тютчевским первым голосом, вторая вступает в полемику со вторым голосом» [5]. Так, у Тютчева:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, *борьба безнадежна!*... [4, с.115]
Поэту XIX века внемлет лирический герой
Иванова: Я верю не в непобедимость зла,

А только в неизбежность поражения [2, с. 277].

Таким образом, «первый голос» Тютчева склоняется к жизненной позиции о безнадежности борьбы, ведь она всегда заканчивается поражением. Так и лирический герой Иванова полностью разделяет точку зрения о неизбежности поражения и бесполезности борьбы. Однако «второй голос» Иванова противоречит «второму голосу» Тютчева, который провозглашает борьбу превыше всего, даже смерти:

Мужайтесь, боритесь, о храбрые друзья,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба [4, с. 115].

Иванов отвечает:

Мне говорят – ты выиграл игру!
Но все равно. Я больше не играю.
Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю [2, с. 277].

Лирический герой Иванова полагает, что героизм и борьба бесполезны, ему «все равно», а «смерть, о которой идет речь, – смерть лирического героя, за которым угадывается автор. Характерно, что “допустим” вносит элемент неопределенности в последующее утверждение “как поэт я не умру”, а союз “зато” усиливает последующее утверждение “как человек я умираю”, то есть в утверждении, что автор заплатил жизнью за возможное (но лишь возможное) поэтическое бессмертие, доминируют трагичность и реальность смерти» [5].

Стихотворение «Не станет ни Европы, ни Америки» (1953) можно рассматривать как развитие тютчевского «Последнего катаклизма» (1829). У Тютчева читаем:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных: Всё
зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них! [4, с. 203]

Иванов, словно наполняя тютчевский текст современными реалиями, создает собственную картину апокалипсиса:

Не станет ни России, ни Америки, Ни
Царскосельских парков, ни Москвы –
Припадок атомической истерики
Все распылит в сиянье синевы... [2, с. 318]

Тютчевская безысходность своеобразно осмыслена и преломлена в стихотворении Иванова, автор, вслед за поэтом прошлого столетия, предупреждает об обреченности всего сущего, о губительности цивилизации.

«Цицерон» (1830) Тютчева неоднократно осмысливался Г. Ивановым в эмиграционный период его творчества. В стихотворении «А что такое вдохновенье...» (1958) поэт приводит прямую тютчевскую цитату:

И Тютчев пишет без поправки: «Оратор
римский говорил...» [2, с. 473]

В стихотворении «Так, занимаясь пустяками...» (1958) лирический герой схож с Цицероном Тютчева, у которого герой-оратор низвергнут толпой, «ночью Рима» и поэтому вынужден попрощаться с «римской славой», удалиться в изгнание:

Оратор римский говорил Средь
бурь гражданских и тревоги: «Я
поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!» [4, с. 302]

Лирический герой Г. Иванова, подобно тютчевскому Цицерону, поздно понял, что ему не вернуться на Родину, поэтому ему всегда придется дышать «затхлым воздухом свободы». Противопоставление, которое читатель видит в стихотворении Иванова, – «затхлый воздух свободы» / «вольный холод тюрьмы» – способствует более полному восприятию стихотворения, некоему философскому подтексту жизненного выбора человека, и вновь отсылает читателя к тютчевскому оратору, который опоздал в выборе и был изгнан. Прощание с Римом тютчевского героя – это своеобразное прощание Иванова с Россией: автор сравнивает падение римской империи с современной лирическому герою ситуацией на родине, ее «кровавым закатом». Тематически это стихотворение связано с более ранним ивановским «Четверть века прошло за границей» (1951), где снова обнаруживается переключки с поэзией Тютчева, теперь со стихотворением «О, этот юг, о, эта Ницца» (1864). Эти тексты сходны мотивом скорби: поэт XX века скорбит о невозможности вернуться домой, называя надежду на возвращение смешной:

Четверть века прошло за границей,
И надеяться стало смешным.
Лучезарное небо над Ниццей
Навсегда стало небом родным [2, с. 308].

Скорбь Тютчева отражает тоску поэта после смерти Е. А. Денисьевой:

Нет ни полета, ни размаху –
Висят поломанные крылья – И
вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья... [4, с. 276]

Обратим внимание на то, что поэты используют сходные эпитеты в описании города: у Иванова видим «лучезарное небо», у Тютчева – «блеск».

Позже Г. Иванов снова вернулся тютчевскому «блеску» в стихотворении «Торжественно кончается весна...» (1952):

Над океаном блеск и тишина,
И в блеске – паруса и корабли... [2, с. 299]

Здесь тютчевская традиция способствует созданию особого колорита, усиливая цветовую палитру произведения.

Таким образом, Г. Иванов стал продолжателем тютчевских традиций, многочисленные переклички и реминисценции свидетельствуют об этом. Стихотворения Иванова «Весенний ветер гонит лед», «Она летит, весна чужая» перекликаются с «Весенними водами» Тютчева. Тютчевские реминисценции находим в таких стихотворениях, как «Россия, Россия рабоче-крестьянская», «Хорошо, что нет Царя», «Так, занимаясь пустяками...», «Четверть века прошло за границей», «А что такое вдохновенье...» генетически и типологически близки поэзии Ф. Тютчева.

Библиографические ссылки

1. Витковский Е. Жизнь, которая мне снилась. Предисловие / Е. Витковский // Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 1. Стихотворения. – М.: «Согласие», 1993. – 656 с.
2. Иванов Г. В. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста, состав. примеч. А. Ю. Арьева (Новая Библиотека поэта) / Г. В. Иванов. – СПб. – М.: Издательство ДНК, Прогресс-Плеяда, 2010. – 768 с.
3. Крейд В. П. Георгий Иванов / В. П. Крейд. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 430 с.
4. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 448 с.
5. Шраговиц Е. Перекличка трех поэтов: Окуджава, Георгий Иванов, Тютчев [Электронный ресурс] / Е. Шраговиц. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/7/sh19.html>, свободный. – Загл. с экрана.

Надійшла до редколегії 15.02.2013 р.